Василий Бруславлевич (Путешествие и смерть)

Не на Волхови зеленой нонь сад шатаицьсе,
Да по морской волны караблицёк похаживат.
По караблицьку Васильюшко погуливат.
Що не белая берёзка к земли клоницьсе,
Не кудрява до сырой да догибаицьсе,
Да ише сын-ле стоит да перед матерью.
Он низёшенько матушки поклоняицьсе
Да русыма кудрями вплоть до пояса,
А ище того пониже до сырой земли;
Да он ведь просит у матушки бласловле(н)ьицё,
Бласловленьиця просит он великого,
Да он весьнёго де просит до сырой земли,
От востоку он просит вплоть до запада.
Да как давала ему матушка бласловлень(и)це(ё),
Она с нёба давала до сырой земли
Да с буйной главы до и до резвых ног;
Да ище ему матуш(к)а наговариват:
— Да уж ты ой еси, дитятко родимое,
Уж ты молод Василей сын Бруславлевиць!
Да уж ты будешь в Ерусалиме городи;
Во Ердани-то реки люди не купаюцьсе,
Да во Ердани-то реки люди омываюцьсе
Для того де для здравьи(ц)я очей ясныех;
Да на плакуне-траве люди да не катаюцьсе,
Да плаконом травой люди утираюцьсе
Да для того де для здравья тела белого.
    Да ишше ему матушка наговариват,
    Да но(а)говариват матуш(к)а наказыват:
— Уж ты ой еси, дитятко родимое,
Да уж ты молоды Василей сын Бруславлевиць!
Да на той на дорожки есь сулой быстёр
Да що солой-от быстёр, да есь розбой востёр.
Да как есь там ведь горы сорокиньские;

Да на тех горах да на сорокиньскиех
Да тут стоят-то кресты да Леванидовски.
Там есь сарачина нонь премудрая
Да що премудра сара́чина прехитрая:
Да нехто сарацины да не перехитривал,
Да що нехто долгополой не перемудривал.
Говорит тут Василей сын Бруславлевиць:
— Да уж ой еси, матуш(к)а родимая
Да честна вдова Омельфа Тимофеевна!
Да как сулой-от быстёр да мы перегребём,
А разбой-от востёр да мы поклонимсе.
Да тут стал-де Василей снарежатисе
Да он ехать молицьсе в Ерусалим город.
Да он брал де дружину всё хоробрую:
Да он ведь брал Костю-Лостю Литурженина,
Ай да брал он Фому Толсторемянников(а),
Да ишшо брал де Потаню малого хромого;
Да брал он с собой да звоньчяты гусли.
Да шше заходили они да на черной корабь.
Становил он Костю-Лостю ноньце на корму,
Да Фому Толсторемянникова на нос же,
Ай Потаньку мала хрома около парусов.
Ай да выкатывали якори булатные,
Подымали они парусы полотняны,
Они з(д)равно пошли церез синё море.
Да Васильюшко по караблицьку похаживат,
Да в звоньцяты гусли Васильюшко поигрыват.
Да пошли они здраво за синё море.
Да шше пала им ти́шина способная.
Да завидели горы сорокинские
Да на горах-то кресты да Леванидовски.
Говорит тут Василей сын Бруславлевиць:
— Да уж ты ой еси, Костя сын Литуржени(н)!
Ты дёржи-тко-се на горы сорокиньские:
Да на горах-то да кресты оказуюцьсе,
Ливанидовски цесны да знамянуюцсе;
Да вот ведь нам крестам да помолитис(е),
Ливанидовским честным да приложитисе.
Да подъежджали де под горы сорокинские;

Опускали де парусы полотняны,
Да що выкатывали якори булатные,
Да вымётывали сходёнки дубовые,
Да соходили они да с черна карабля.
В пол горы лежит голова да богатырьская,
В толщину голова да как пивной котёл.
Да тут де Василей сын Бруславлевиць
Да он как нацял головушку попинывать,
Он попинывать, головушку побрасывать.
Да говорит голова да богатырьская,
Говорит голова да таково слово:
— Да уж ты ой еси, Василей сын Бруславлевиць!
И нецёго тебе надо мной галицьсе.
Да уж я был богатырь да на своих ногах;
Да служил-то-ле я да сороким царям
Да сороким-то царям да я царевицям,
Королям-то я служил да коро(ле)вицям;
Да уж я дралса с сорочиной да ровно три года.
Ай да та де сорочина прехитрая
Да прехитра сорочина ведь премудрая
Накопала она перекопы глубокие
Да що наставила подрези ножовые.
У мня перв-от перекоп конь пере́скочил,
Да ище втор-от перекоп конь пере́скочил,
И в треть-ёт перекоп конь обрюшилсэ.
Тут опутала в опутиньки шелковые
Да потом отрубила буйну голову.
Да уж ты ой еси, Василей сын Бруславлевиць!
Да уж ты ой еси, Василей сын Бруславлевиць!
Да уж ты будешь лежать да со мной по ряду.
Да пошел тут Василей на чернен карабь.
Да выкатывали якори булатные
И сдергивали сходёнки дубовые
Да подымали-то парусы полотняны;
И пошли де они в Ерусалим город.
Да во Ердани-то реки да он купаицсэ.
На плакуне-то травы да катаицсэ;
Да шше тут де Василей поворот держит,
Заходил-де Васильюшко на чернен карабь.

Да що выкатывали якори булатные,
А сдергивали сходёнки дубовые
Да подымали белы парусы полотняны.
Подходили ведь под горы сорокинские,
Да как ведь тут карабь да остоялсэ у их.
Говорит тут Васильюшко Бруславлевиць:
— Да уж вы ой еси, дружья, братья, товарыщи!
Вы берите-ко щупы да долгомерные:
Да мы на кошецьку нашли, ле на камешок.
Да берут они щупы да долгомерные:
— Да не на кошечьку нашли мы, не на камешок.
Говорит тут Василей сын Бруславлевичь:
— Да уж вы ой еси, дружья, братья, товарыщи!
Мы вперёд шли, с головушкой россорились;
Да, видно, нать нам с головушкой поладицьсэ.
Вы держите на горы сорокинские.
Да у их сад-от пошел, да как сокол полетел.
Подходили под горы сорокинские
Да опускали-то парусы полотняны,
Ай выкатывали якори булатные
Да що вымётывали сходёнки дубовые;
Выходили они да на сыру землю,
Да подымалисе они да на круту гору.
Да на той на дорожки есь горюць камень,
Да що на етом на камешки подписано:
«Ище хто етот камешок не перескоцит, —
Да тому ле на свете живому не быть».
Говорит тут Василей сын Бруславлевицы
— Да уж мы все этот камешок перескоцим;
У нас горё-беда Потаньки хромому,
Да как ему этого камешка не перескоцить.
Да скакал тут Костя-Лостя Литурженин,
Да он ведь этот ле камешок перескоцил;
Да скакал тут Фома Толсторемянников,
Да уж тот ведь этот камешок перескоцил;
Да скакал тут Потанька малой хроменькой, —
Да он ведь етот камешок да перескоцил;
Он скоцил через камешок и назад отскоцил.
Да скакал тут Василей сын Бруславлевиць, —

Да он ведь этот камешок перескоцил,
Он перескоцил камешок и назад отскоцил,
Да на этом на камешки обрюшилсэ.
Ай тут те Васильюшку славы поют.

(Записано в 1901 г. в д. Кильца Погорельской вол. (Мезень) от Ивана Егоровича Чупова, крестьянина 72 лет)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899 — 1901 гг., т. III — СПб., 1910.